

КНИГА О ВРЕМЕНИ, ТЕПЛЕ И ЛЮБВИ
(И НЕМНОЖКО О КОТАХ)

Роберт
Хайнлайн

ДВЕРЬ В ЛЕТО

Роберт Энсон Хайнлайн
Дверь в Лето
Серия «Азбука-бестселлер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122455

*Роберт Хайнлайн. Дверь в Лето: АСТ; Санкт-Петербург; 2017
ISBN 978-5-389-13417-1*

Аннотация

Каждое живое существо на Земле стремится найти Дверь в Лето. Где тепло, нет холода, нет войны, ненависти, обиды. Где тебя не предаст друг, не обманет невеста. В знаменитом романе Роберта Хайнлайна такую Дверь в Лето ищут Дэниел Бун Дэвис и его кот Петроний Арбитр, вполне вежливое животное – когда его не гладят против шерсти и не хлопают по спине. Чтобы найти Дверь в Лето коту и его хозяину приходится преодолевать Время, а у Времени нрав суровый – не со всяким оно готово вступать в игру, предпочитая тех, чье сердце открыто миру.

Содержание

1	7
2	32
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Роберт Хайнлайн

Дверь в Лето

Robert A. Heinlein

THE DOOR INTO SUMMER

Copyright © 1957 by Robert A. Heinlein

© А. Бранский (наследник), перевод, 2017

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Роберт Энсон Хайнлайн (1907–1988) в литературе носит титул гранд-мастера. Автор знаменитых романов «Двойная звезда», «Звездный десант», «Кукловоды», «Чужак в чужой стране» и многих других, писатель – рекордсмен по числу литературных наград, включая такие престижные, как премия «Хьюго», «Небьюла» и т. д. По опросам, проводимым журналом «Локус» среди читателей, Роберт Хайнлайн признан лучшим писателем-фантастом всех времен и народов.

Впрочем, сейчас совершенно ясно, что Хайнлайн в своем творчестве преодолел тесные рамки жанра и стал писателем общечеловеческого масштаба. Пример этому роман «Дверь

в Лето», прочно занявший место в большой литературе рядом с «Марсианскими хрониками» и «Вином из одуванчиков» Рэя Брэдбери, «Цветами для Элджернона» Дэниела Киза и другими литературными шедеврами.

Когда мы жили в Колорадо, там выпал снег. Наш кот захотел выйти из дома, и я открыл ему дверь, но он не выходил. Просто продолжал вопить. До этого он видел снег, и я не мог понять, что случилось. Я снова и снова открывал перед ним другие двери, а он опять не выходил. Потом Джинни сказала: «О, он ищет Дверь в Лето». Я махнул на кота рукой, попросил ее не говорить больше ни слова и за тринадцать дней написал «Дверь в Лето».

Роберт Хайнлайн. Из интервью Альфреду Бестеру

Хайнлайн верил, что фантастический рассказ имеет смысл только в том случае, если его корни уходят в самую настоящую действительность, в то же время проникая в мир воображения. Он был убежден, что выдуманная действительность не может быть опрокинута на читателя в первых же абзацах произведения, а должна проявляться постепенно, прорастая сквозь реальность.

Роберт Сильверберг

Полвека не покладая рук он работал в фантастике, выпустил в свет 54 книги – романы, сборники рассказов и т. д. – общим тиражом в 40 миллионов экземпляров. За три первых года работы он, на взлете таланта,

создал несколько книг, которые живы и сегодня не просто как любопытные опыты довоенной фантастики, а как совершенно современные произведения. И когда я говорю о том, что Хайнлайн – создатель современной американской фантастики, я имею в виду именно свежесть, актуальность его работы – каждая из его повестей могла быть опубликована сегодня, и мы бы восприняли ее как сегодня написанную.

Кир Булычев

1

В ту зиму, незадолго до Шестинедельной войны, мы с котом Петронием Арбитром жили на старой ферме в штате Коннектикут. Сомневаюсь, сохранился ли дом до сих пор. Он попал в зону ударной волны от Манхэттенского взрыва, а старые каркасные дома горят, как папиросная бумага. Даже если он и выстоял, вряд ли кому придет в голову арендовать его – в тех местах выпали радиоактивные осадки.

Но тогда нас с Питом он вполне устраивал. Водопровода там не было, и поэтому арендную плату не вздували; к тому же комната, служившая нам столовой, выходила окнами на север, а при таком освещении удобно чертить.

Существенным недостатком нашего жилища было множество наружных дверей – двенадцать, если считать дверь Пита. Я всегда старался устроить для него отдельный выход; здесь я вставил в разбитое окно нежилой спальни фанерку и вырезал в ней по ширине Питовых усов кошачий лаз. Слишком много времени я затратил, открывая дверь котам. Както я подсчитал, что с момента своего появления человечество провело за этим занятием девятьсот семьдесят восемь человеко-столетий. Могу показать выкладки.

Обычно Пит пользовался своей дверью, но категорически отказывался выходить через нее, как только выпадал снег. Тогда он принуждал меня открывать ему человечесью дверь.

Еще пушистым шустрым котенком Пит выработал для себя простую философию, в соответствии с которой я должен был отвечать за жилье, пищу и погоду, а он – за все остальное. Особая ответственность, считал он, лежала на мне за погоду. А вы знаете, что зимы в Коннектикуте хороши только разве что на рождественских открытках.

Той зимой Пит взял за правило подходить к своей двери, обнюхивать ее – и поворачивать обратно. Его, видите ли, не устраивало противное белое вещество, покрывавшее землю и все вокруг. Он начинал приставать ко мне, чтобы я открыл ему человечью дверь, ибо был твердо убежден: хоть одна из дверей да должна открываться в лето. Поэтому всякий раз мне приходилось обходить вместе с ним все одиннадцать дверей и приоткрывать их по очереди, дабы он убедился, что за каждой из них та же зима. И с каждым новым разочарованием росло его недовольство мною.

И все-таки он оставался дома до тех пор, пока гидравлика естества не понуждала его выходить наружу. Когда он возвращался, льдинки на лапах стучали по полу, словно башмаки на деревянной подошве. Он свирепо посматривал на меня и отказывался мурлыкать, пока не слизывал льдинки, после чего милостиво прощал меня – до следующего раза. Но он никогда не прекращал искать Дверь в Лето.

Третьего декабря 1970 года я тоже искал ее. Мои попытки были столь же тщетны, как и Питовы тогда, в Коннектикуте. Хотя в Южной Калифорнии сохранилось еще немного снега, на радость лыжникам, но над Лос-Анджелесом его поглощал смог. А в сердце у меня была настоящая зима.

На здоровье я не жаловался (разве что голова побаливала с похмелья). Мне еще не стукнуло тридцати, и денежные дела у меня были в порядке. За мной никто не гнался: ни разгневанные мужья, ни полиция, ни судебные исполнители – словом, мне ни перед кем ни в чем не нужно было оправдываться. Но в сердце у меня все равно была зима, и я искал Дверь в Лето. И не потому, что я так уж жалел себя. В конце концов, больше трех миллиардов человек на планете находились в худшем положении. Но тем не менее Дверь в Лето искал я один.

Почти все двери, что встречались на моем жизненном пути, походили на «вертушку», перед которой я сейчас стоял. Она вела, если верить вывеске, в гриль-бар «Сан-Суси». Я вошел, выбрал кабинку неподалеку от входа, с превеликой осторожностью поставил на сиденье объемистую сумку и примостился рядом, поджидая официанта.

– А я у-у? – спросила сумка.

– Успокойся, Пит, – отвечал я.

– М-я-а-а!

– Не дури, не так уж долго ты сидишь в сумке. И закрой пасть, официант идет.

Пит замолк. Когда я поднял голову, официант уже наклонился над столиком.

– Двойной «скотч», стакан воды и бутылочку имбирного пива.

– Имбирного пива, сэр? С виски-то? – Официант недоуменно уставился на меня.

– Есть у вас имбирное пиво или нет?

– Почему нет, есть, конечно. Но...

– Тогда несите. Я, может, занюхивать им буду. И прихватите блюдце.

– Как угодно, сэр. – Он протер столик. – А как насчет бифштекса, сэр? Или, может, устриц желаете? Сегодня устрицы хороши...

– Послушайте, приятель! Если обещаете не приносить устриц, я включу их стоимость в чаевые. Все, что мне надо, уже заказано... И не забудьте блюдце.

Он наконец заткнулся и ушел. Я еще предупредил Пита, чтоб не дергался, – морская пехота не подведет. Вернулся официант: чтобы сохранить уважение к себе, бутылку пива он нес на блюдце. Пока он открывал пиво, я успел смешать виски с водой.

– Принести стакан под пиво, сэр?

– Зачем? Я ведь настоящий ковбой с Дикого Запада – пью

только из горла.

Он больше не стал лезть ко мне с разговорами. Но включить в счет устрицы не забыл да еще позволил дать себе на чай. Едва он убрался, я налил в блюдце пива и постучал по сумке:

– Кушать подано, Питер.

Сумка была открыта. Когда я ношу в ней Пита, то никогда не застегиваю молнию. Пит когтями раздвинул края сумки, высунул голову и быстро огляделся. Потом вылез и оперся передними лапами о край стола. Мы переглянулись, и я поднял стакан:

– За слабый пол, Пит! Чтоб вовремя встретить и вовремя расстаться!

Он молча кивнул в ответ – это вполне соответствовало его собственной философии. Потом изящно наклонил голову и принялся лакать пиво.

– Если такое, конечно, возможно, – добавил я и сделал приличный глоток.

Пит не ответил. Какое ему дело до расставаний – он был холостяком по призванию.

На другой стороне улицы, как раз напротив окна бара, бежали буквы рекламы. Сперва они складывались в слова: «Ты спишь, а служба идет», потом появилось: «Окунись в сон, и все беды вон!» Затем загорелись буквы вдвое больше прежних:

КОМПАНИЯ ВСЕОБЩЕГО СТРАХОВАНИЯ

Я прочитал рекламу трижды, не вникая в смысл. О замораживании, точнее, о сне в холоде я знал немного. Когда начались первые опыты по замораживанию, мне попала статья на эту тему в каком-то популярном журнале. Да еще два или три в неделю с утренней почтой мне поступали рекламные проспекты страховых компаний. Я их выбрасывал не глядя – нужны они мне были как рыбе зонтик.

Прежде всего, до недавнего времени за сон в холоде – а стоил он недешево – я и заплатить не смог бы. Во-вторых, с какой стати человеку, который увлечен работой, умеет делать деньги и надеется, что вскоре их у него станет еще больше, да к тому же влюбленному и, можно сказать, почти женатому, – с какой стати ему, спрашиваю я вас, становиться наполовину самоубийцей?

Другое дело, если человек неизлечимо болен и приговорен врачами к смерти, но считает, что медицина будущего спасет его. К тому же он в состоянии оплатить сон в холоде на тот срок, пока врачи не научатся исцелять его недуг. Тогда, конечно, игра стоит свеч. Или, скажем, человек мечтает совершить путешествие на Марс. Он полагает, что если перевернет страницы своей книги судеб на одно поколение вперед, то получит возможность купить билет на рейс Земля – Марс. В этом, я считаю, тоже есть своя логика. В какой-то газете была статья об одной парочке, которая прямо из-под венца отправилась в Храм Сна Западной страховой компании. Они заявили журналисту, что оставили распоря-

жение разбудить их, только когда станет возможным провести медовый месяц на межпланетном лайнере... Я сильно подозреваю, что это всего лишь рекламный трюк страховой компании; парочка же, получив гонорар, смылась через черный ход, заблаговременно изменив фамилии. Да и кто поверит, что нашлись бы желающие провести свою первую брачную ночь в ящике со льдом, словно какая-нибудь замороженная скумбрия?

Все страховые компании откровенно заманивали клиентов, напирая, как правило, на финансовую сторону дела: «Ты спишь, а служба идет» (читай: «И денежки тоже!»). Лежите, мол, себе спокойно, а ваши скромные сбережения за время сна превратятся в целое состояние. Положим, вам пятьдесят пять лет, и из пенсионного фонда вы получаете пару сотен в месяц. Так почему бы вам не проспать полсотни лет, проснуться в том же возрасте и получать уже ежемесячно тысячу! Не говоря о том, что пробудились бы вы в новом светлом мире, где наверняка вам будет уготовано жить еще долгие годы припеваючи в добром здравии.

Компании повели настоящее рекламное наступление на город. Причем каждая стремилась с помощью «точных подсчетов» доказать, что страховки именно этой компании дадут в будущем самый большой процент прибыли: «Ты спишь, а служба идет!»

Меня подобные грядущие блага нисколько не интересовали: мне еще не стукнуло пятидесяти пяти, оставлять рабо-

ту я не собирался и ничего плохого в 1970 году не ожидал. Не интересовали до недавнего времени – так будет вернее. А теперь – нравилось мне или нет – меня лишили работы; вместо того чтобы наслаждаться медовым месяцем, я торчал во второразрядном кафе и, чтобы забыться, глушил виски, а жену мне заменял насмерть перепуганный кот с болезненной тягой к имбирному пиву. В настоящее время у меня не было никаких привязанностей, да и к чему они мне? Я бы их все променял на ящик джина, а потом одну за другой опустошил бутылки.

Но самообладания я не терял.

Из кармана пиджака я вытащил конверт и открыл его. В нем лежали две бумаги: одна – заверенный чек на сумму, которую я раньше и представить-то себе не мог, не то что держать в руках; другая – заверенный в банке список акций «Горничная инкорпорейтед». Обе бумаги были слегка помяты: я таскал их в кармане с тех пор, как получил.

Так почему бы и нет?

Почему бы мне не залечь, не окунуться в сон, чтобы беды вон? Все лучше, чем Иностраннный легион или настоящее самоубийство! По крайней мере, я избавился бы от тех, кто сделал мою жизнь невыносимой. Так почему бы и не залечь?

Нет, к богатству я не стремился. Конечно, я читал «Когда спящий проснется» Герберта Уэллса, читал как хорошую классику. Это уже потом страховые компании стали раздавать книгу в целях рекламы бесплатно. Я понимал, к чему

может привести погоня за большими процентами и тяга к обогащению. Но я и не был уверен, хватит ли у меня средств оплатить долгий сон да к тому же открыть счет, который обеспечит мне в будущем безбедное существование.

Меня больше прельщала другая сторона дела – лечь баиньки и проснуться, если так можно выразиться, в ином мире. Будет ли он лучше, как уверяют страховые компании, или хуже – кто знает? Но что иной – уж точно.

Я должен быть твердо уверен, что просплю достаточно долго и, когда проснусь, уже не застану в этом мире ни Белл, ни Майлза Джентри. Прежде всего Белл Даркин. Умри она – я бы забыл ее, забыл все, что она мне сделала, вычеркнул бы из памяти. А теперь вот у меня сердце заходится оттого, что она всего в нескольких милях отсюда.

Что ж, прикинем. Белл сейчас двадцать три – во всяком случае, она так утверждает. Правда, однажды она проговорила, что помнит президентство Рузвельта. Ладно, пусть ей еще нет тридцати. Если проспять лет семьдесят, от нее один некролог останется. Пусть будет семьдесят пять – для верности.

А успехи в гериатрии? Толкуют, что скоро продолжительность жизни достигнет ста двадцати лет и такой возраст, мол, вполне достигим.

А может, залечь годков на сто, – правда, я не уверен, в состоянии ли хоть одна страховая компания предложить мне столь длительный анабиоз. Тут под воздействием виски

мне в голову пришла поистине дьявольская мысль: вовсе не обязательно дожидаться смерти Белл. Если я стану, скажем, лет на тридцать моложе ее, то сделаю остаток жизни моей бывшей возлюбленной просто невыносимым. Лучшей мести женщине и не придумать!

Я почувствовал легкое прикосновение лапы.

– Ма-а-ло! – объявил Пит.

– Ненасытное брюхо, – проворчал я и вновь наполнил блюдце пивом.

В знак благодарности он немного помедлил, потом вновь принялся жадно лакать. Но он уже прервал поток сладостно-мстительных мыслей. Да, а что, черт побери, мне делать с Питом? Кот – не собака, его в чужие руки не отдашь; он попросту такого не вынесет. Кошки остаются домашними животными, но Пит не таков. Для него с тех самых пор, как девять лет тому назад его отняли от матери, единственной опорой в нашем изменчивом мире был я. Даже в армии я умудрялся держать его при себе и ради этого шел на любые ухищрения. Пит пребывал в добром здравии и, похоже, сдавать не собирался, хотя шрамов у него хватало. Сообразывай он склонность к лидерству со своими возможностями – ему еще лет пять выходить победителем из всех драк и плодить потомство.

Я мог бы, конечно, оплатить содержание в кошачьем пансионе до конца его дней (невероятно!); мог бы усыпить его (вовсе невероятно!) или выбросить его на улицу (совсем уж

невероятно!). С кошками всегда так: или вы безропотно выполняете принятые на себя обязательства – или бросаете беднягу на произвол судьбы, обрекая на одичание, и разрушаете его веру в высшую справедливость. Как Белл разрушила мою веру.

Так-так, Дэнни. Об этом лучше не вспоминать. Нечего киснуть, ты ведь не укроп моченый; все равно придется выполнять те самые принятые на себя обязательства перед избалованным котом.

Тут мои философские размышления были прерваны. Пиво попало Питу в нос, и он чихнул.

– Gesundheit!¹ – сказал я. – И не старайся вылакать все блюдо за один присест.

Пит не обратил внимания на мои слова. В общем и целом он лучше меня умел вести себя за столом – и знал об этом.

Наш официант околачивался возле кассы и трепался с кассиром. Наступило послеобеденное затишье, и, кроме нас с Питом, еще несколько посетителей сидели у стойки. Когда я сказал «Gesundheit!», официант взглянул в нашу сторону и что-то сказал кассиру. Тот вышел из-за стойки и направился к нам.

– Полундра! – тихо скомандовал я.

Пит огляделся и нырнул в сумку, которую я тут же прикрыл. Кассир подошел, облокотился на столик и быстрым взглядом окинул всю кабинку.

¹ Будь здоров! (нем.)

– Извините, приятель, – категоричным тоном начал он, – но кошку вам придется отсюда убрать.

– Какую кошку?

– Ту самую, что вы поили из блюдца.

– Не вижу никакой кошки.

Он нагнулся и заглянул под столик.

– Вы засунули ее в сумку, – уличил он меня.

– В сумку? Кошку? – недоуменно переспросил я. – Мой друг, вы страдаете острой фигуральностью речи.

– Что? Говорите со мной по-человечески. Кошка у вас в сумке. Откройте-ка ее.

– Есть у вас ордер на обыск?

– Слушайте, бросьте придуриваться!

– Это вы валяете дурака, требуя осмотра моей сумки без ордера на обыск. Однажды Четвертую поправку нарушили и заплатились многолетней войной. Ну, как я понимаю, вопрос урегулирован. Передайте, пожалуйста, официанту, чтобы он повторил заказ, или организуйте все сами.

Он, похоже, обиделся.

– Друг, я ведь против тебя ничего лично не имею, но терять лицензию мне неохота. Видишь, вон там, на стене, табличка. На ней ясно написано: «Посетители с кошками и собаками не обслуживаются». Мы стремимся к соблюдению правил гигиены в нашем заведении.

– Плохо стремитесь. – Я посмотрел на свет стакан. – Видите следы губной помады? Вам бы следовало получше при-

смаатривать за посудомойкой, а не обыскивать посетителей.

– Не вижу никакой помады.

– Она почти вся стерлась, пока я пил. Вот отправим стакан в Санитарное управление, пусть они там микробов посчитают.

– Вы что, полицейский?

– Нет.

– Тогда мы поладим. Я не буду обыскивать вашу сумку, а вы не потянете меня в Санитарное управление. А если хотите еще выпить, подойдите к стойке, возьмите что надо... с собой. Только не пейте здесь. – Он развернулся и направился к кассе.

Я пожал плечами:

– Мы как раз собирались уходить.

Я поднялся, подхватил сумку и поплелся к выходу. Когда я проходил мимо стойки бара, кассир спросил:

– Не обиделись на меня?

– Ничуть. Правда, я собирался выпить на днях здесь со своим конем. Теперь не приду.

– Как вам угодно. В правилах о лошадях ничего не говорится. Вот только еще один вопрос: что, ваша кошка действительно пьет имбирное пиво?

– О Четвертой поправке помните?

– Да я же не кошку прошу показать. Просто интересно узнать...

– Ладно, так и быть, скажу. Вообще-то, он предпочитает,

когда пиво разбавляют чем-нибудь покрепче. Ну, если придется, пьет и неразбавленное.

– Да? Вряд ли такой коктейль пойдет на пользу его почкам. Взгляните-ка сюда, приятель.

– Куда-куда?

– Нагнитесь немного. Теперь поднимите голову и посмотрите на потолок. Над каждой кабинкой среди потолочных украшений – зеркальца. Видите? Я знал, что вы пришли с котом, потому что видел его отражение в зеркале.

Я выгнулся, как он сказал, и взглянул вверх. На потолке среди разной мишуры были спрятаны кусочки зеркала. Они располагались под таким углом, что с места кассира весь зал просматривался, как в перископ.

– Мы вынуждены были так сделать. – Он словно бы оправдывался. – Вы не представляете себе, что творилось бы в кабинках, не присматривай мы за клиентами. Я вам вот что скажу: мир полон скверны.

– Аминь, друг, – завершил я нашу содержательную беседу и направился к двери.

Очутившись на улице, я раскрыл сумку и понес ее за одну ручку. Пит тут же высунул голову.

– Пит, ты ведь слышал, что сказал кассир: «Мир полон скверны». Да он ею заполнен до краев, если приятели не могут спокойно, без слезки, пропустить стаканчик. Считаю, вопрос решен.

– С-р-а-а-з-у-у? – спросил Пит.

– Как скажешь. Но если уж решили, зачем откладывать?

– С-р-а-а-з-у-у! – согласился Пит.

– Принято единогласно. То, что нам надо, – напротив.

Только улицу перейти.

Секретарша в приемной Компании всеобщего страхования являла собой превосходный образчик совершенного функционального дизайна. Обтекаемость основных форм (хоть сейчас разгоняй до скорости 4М) дополняли установленные с фронтальной части вершинами конусов наружу радары наведения на цель... ну и все прочее, что требовалось для выполнения ее основного жизненного предназначения. Мне даже пришлось себя одернуть: ведь к тому времени, когда я отсюда выйду, от нее ничего, кроме атмосферных помех, не останется... Я сказал ей, что хочу приобрести у них полис.

– Располагайтесь, пожалуйста, – завибрировала она. – Сейчас взгляну, кто из администраторов свободен.

Не успел я расположиться, как она возникла опять:

– Вас примет наш мистер Пауэлл. Пройдите сюда, пожалуйста.

Обстановка в кабинете «нашего мистера Пауэлла» наводила на мысль, что дела в компании идут в гору. Мистер Пауэлл подал мне свою влажную руку, усадил в кресло и предложил сигарету. Он попытался взять у меня из рук сумку, но я вцепился в нее мертвой хваткой.

– Итак, сэр, чем могу служить?

– Мне нужен долгий сон.

Брови мистера Пауэлла медленно поползли вверх, на лице появилось выражение почтительности. Знаю я, как это делается: Всеобщая выпишет клиенту полис за семь с полтиной, а долгий сон дает им возможность наложить свою жирную лапу на все его имущество.

– Весьма мудрое решение, – чуть ли не благоговейно откликнулся мистер Пауэлл. – Будь я свободен в выборе решения, то поступил бы так же. Но... ответственность за семью, знаете ли...

Он взял со стола бланк.

– Клиенты, выбравшие «сон», обычно спешат. Позвольте сэкономить ваше время и не беспокоить заполнением бумаг. Я сам все сделаю... И мы сразу же устроим, чтобы вас осмотрел врач.

– Минутку.

– Да?

– Только один вопрос. Можете ли вы обеспечить сон в холле коту?

На его лице появилось выражение сначала удивления, потом обиды.

– Вы, конечно, шутите?

Я приоткрыл сумку, и Пит тут же высунул голову.

– Знакомьтесь, мой кореш. Итак, что скажете? Если нет, мы обратимся в страховую компанию «Центральная долина». Их контора в этом же здании, не так ли?

Выражение обиды сменилось на выражение ужаса.

– Мистер... Не расслышал вашего имени и фамилии.

– Дэн Дэвис.

– Мистер Дэвис, едва клиент переступает наш порог, Компания всеобщего страхования берет его под свое неназойливое покровительство. Я просто не могу позволить вам пойти в «Центральную долину».

– Интересно, как вы собираетесь «не позволять»? Применяя дзюдо?

– Что вы, что вы! – Он понизил голос. – Наша компания всегда соблюдает этические нормы.

– Вы имеете в виду, что «Центральная» не соблюдает?

– Нет, нет. Я этого не говорил. Мистер Дэвис, понимаю, конечно, что не могу надеяться повлиять на вас...

– Да я и не позволю...

– ...Но осмелюсь посоветовать: сравните образцы контрактов нашей компании и «Центральной». Проконсультируйтесь с адвокатом, а еще лучше – со специалистом по семантике. И вам станет ясно, что предлагаем и в действительности выполняем мы, а что может предложить «Центральная долина». – Он огляделся и наклонился ко мне: – Я не должен бы так говорить, – надеюсь, потом вы не будете ссылаться на меня, – но они даже не пользуются статистическими таблицами установленного образца!

– Может, вместо этого они предоставляют клиенту более благоприятные возможности для помещения капитала?

– Да что вы! Дорогой мой мистер Дэвис, вот наша компания распределяет поровну между клиентами всю получаемую прибыль. Этого требует наш устав... в то время как «Центральная» является акционерной компанией.

– Может, мне приобрести несколько их акций? Послушайте, мистер Пауэлл, мы попусту теряем время. Возьмет Всеобщая заботы о моем приятеле или нет? Если нет, то я у вас и так слишком долго задержался.

– То есть вы имеете в виду, что хотите сохранить это существо живым при помощи гипотермии? И оплатите расходы?

– Я имею в виду, что нам обоим нужен долгий сон. И не называйте моего кота «это существо». Его зовут Петроний.

– Извините. Я поставлю вопрос иначе. Готовы ли вы оплатить два взноса – за себя и э... э... Петрония – за помещение вас в наш Храм Сна?

– Готов. Но не два взноса. Взнос за себя, ну и сколько-то я доплачу, понятно, за Пита. Вы же можете поместить нас в один ящик. Разве честно брать одинаковую плату с кота и человека?

– Но ваш случай весьма необычен...

– Конечно. Но давайте поторгуемся чуть позже... или я поторгуюсь с «Центральной долиной». Давайте обсудим главное: можете вы выполнить мой заказ или нет?

– Н-да. – Мистер Пауэлл в задумчивости забарабанил по крышке стола. – Минутку. – Он поднял телефонную труб-

ку: – Опал, соедините меня с доктором Барквистом.

Остального я уже не слышал – он включил систему индивидуальной защиты. Несколько минут спустя он положил свое орудие производства и улыбнулся так, словно у него помер богатый дядюшка.

– Хорошие новости, сэр. Я тут совершенно упустил из виду тот факт, что первые успешные опыты по замораживанию производились как раз на котах. Так что техника и основные особенности процесса хорошо известны. Фактически в Военно-морской исследовательской лаборатории в Аннаполисе есть кот, который вот уже более двадцати лет находится в охлажденном состоянии.

– А я-то думал, что ВМИЛ разрушили до основания, когда добрались до Вашингтона.

– Нет, пострадали только здания на поверхности, а подземные сооружения сохранились. Благодаря совершенной технике животное оставалось целым и невредимым более двух лет, а ведь его жизнедеятельность поддерживалась только автоматикой!.. И оно до сих пор живо-здорово – и не состарилось. Так и вы, сэр, будете здравствовать тот период времени, на какой доверите себя Всеобщей.

Мне показалось, он вот-вот перекрестится.

– Ладно, ладно. Продолжим наше торжище.

Итак, мы обсудили четыре вопроса. Первый – как оплатить заботу о нас Всеобщей, пока мы находимся в спячке; второй – на какой срок мы ляжем; третий – куда я собира-

уюсь поместить свои капиталы на то время, пока буду находиться в холодильнике. И последний: как они поступят, если я откину копыта и не проснусь.

Я окончательно остановился на 2000 годе: приятная круглая дата, до которой спать-то всего тридцать лет. Проспав дольше, я опасался не застать в живых тех, кого знал прежде. За те три десятка лет, что я прожил на свете, произошло столько умопомрачительных событий – две большие войны и дюжина войн поменьше, крушения тоталитарных режимов, Великая паника, появление искусственных спутников и переход на атомную энергию... А когда я был маленьким, еще и понятия не имели о том, что теперь воспринимается как само собой разумеющееся.

Так что в 2000 году от Рождества Христова, думаю, мне будет от чего прийти в замешательство! Но я никогда не решился бы прыгнуть так далеко в будущее, если бы не уверенность, что к тому времени Белл наверняка превратится в дряхлую старуху.

При обсуждении вопроса о том, как я распоряжусь моим капиталом, я решил положиться на имевшиеся у меня акции «Горничной инк.», а наличные вложить в другие ценные бумаги. Тут я особо уповал на акции компаний, занимавшихся перспективными разработками – к примеру, автоматизированных систем. Кроме того, я надеялся на одну сан-францисскую фирму по производству минеральных удобрений. Там проводили опыты над дрожжевыми культурами и годными

в пищу водорослями. Людей на нашей планете становится с каждым годом все больше, а цены на мясо вряд ли понизятся... То, что оставалось после сведения баланса, я попросил поместить в опекунский фонд Всеобщей. Вкладывать деньги в государственные бумаги или предприятия я не собирался – инфляция заложена в любую государственную систему еще при ее возникновении.

Теперь стоило подумать, как поступить со всем этим, если я загнусь во время спячки. Компания гарантировала, что шансы выжить очень высоки – семь к десяти; предлагалось даже заключить пари. Но они-то внакладе не останутся при любом исходе! На удачу мне рассчитывать было трудно, но я знал, на что шел: в любой азартной игре есть риск. Правда, мошенники всегда одурачивают доверчивых болванов, а страхование – узаконенное мошенничество. Что там говорить, если старейшая и наиболее уважаемая лондонская страховая компания «Ллойд» и то не колеблясь заключит любое пари. Но не надейтесь на свой выигрыш – ведь должен же кто-то оплачивать «нашему мистеру Пауэллу» счета от портного! В общем, я распорядился в случае своей смерти все деньги до единого цента передать компании; тут мистер Пауэлл едва не бросился ко мне на шею. Он принялся горячо убеждать меня, что семь из десяти – дело верное. Я же ухватился за этот вариант только из-за того, что становился (если выживу) наследником других клиентов, выбравших те же условия страхования (в случае их смерти, конечно). Чем

не «русская рулетка»? При деньгах будет тот, кто выживет... ну а компании, как обычно, остается загребать лопатой денежки, да еще с процентами.

Ну вроде я подготовился к возможному возвращению в жизнь, и мистер Пауэлл возлюбил меня, как крупье любит идиота, который ставит и ставит на «зеро». Пристроив таким образом мои капиталы, мистер Пауэлл весьма здраво подошел к решению вопроса о взносе за Пита. Мы сошлись на пятнадцати процентах обычного взноса и составили на Пита отдельный контракт.

Теперь оставалось получить разрешение суда и пройти медицинское освидетельствование. Врачебный осмотр меня не беспокоил: раз уж компания только выиграет от смерти клиента, его примут даже с чумой в последней стадии. Но вот получить «добро» у судьи – долгая история. А без этого не обойтись, потому что клиент, спящий во льду, должен находиться в безвыходном положении на законном основании: живой, но беспомощный.

Впрочем, мои опасения оказались напрасными. У «нашего мистера Пауэлла» были уже заготовлены все документы – общим числом двенадцать, и каждый – в четырех экземплярах. У меня пальцы занемели, пока я их подписал. Потом явился посыльный, забрал всю пачку и поспешно удалился. Так что судью я и в глаза не видел.

Медосмотр оказался стандартной изнурительной процедурой, если не считать небольшого эпизода. Закончив осмат-

ривать меня, врач угрюмо спросил:

– Сынок, ты давно в запое?

– В запое?

– В запое, в запое.

– Да с чего вы взяли, доктор? Я трезв, как... как вы. – В подтверждение я начал было произносить скороговорку.

– Брось валять дурака. Отвечай на вопрос.

– Мм... Да недельки две, может, чуть больше.

– А чуть больше – это месяц или два? И не вешай мне лапшу на уши, пьянчуга.

– Ну, вообще-то, я никакой не пьянчуга... Видите ли... – И я принялся рассказывать о том, как поступили со мной Белл и Майлз и почему я был в таком состоянии.

– Прошу тебя! – Он предостерегающе поднял руку. – У меня хватает своих неприятностей, к тому же я не психиатр. Все, что меня интересует, – выдержит ли сердце клиента предстоящие перегрузки. Ведь твоё тело охладят до четырёх градусов Цельсия. Вообще-то, мне плевать, если какой-то псих сует башку в петлю, да ещё и завязывает её сам. Я так считаю: одним дураком на свете меньше. Но остатки профессиональной этики не дают мне права разрешить человеку, отупевшему от пьянства, – неважно, что он за птица, – залезть в ледяной гроб. Повернись-ка кругом.

– Что?

– Спиной, говорю, повернись. Сделаю тебе укол в ягодичу.

Я повернулся – он уколол. Пока я растирал уколотое место, он продолжал:

– Теперь выпей вот это. Минут через двадцать ты впервые за весь месяц станешь трезвым как стеклышко. Потом, если у тебя есть хоть капля здравого смысла, в чем я лично сомневаюсь, ты все обдумаешь и решишь – сбежать от неприятностей... или встретить их лицом к лицу, как и подобает мужчине.

Я выпил лекарство.

– Вот и все. Одевайся, твои бумаги я подпишу, но предупреждаю, что могу наложить вето даже в самую последнюю минуту. Чтоб ни грамма алкоголя, только легкий ужин. Никакого завтрака. Быть здесь для окончательного осмотра завтра в полдень.

Он повернулся ко мне спиной и удалился, даже не попрощавшись. Я оделся и вышел, кипя от злости. Мистер Пауэлл уже отложил мои экземпляры документов, подписанные в суде. Когда я забирал их со стола, он заметил:

– Можете оставить их здесь, если хотите. Заберете завтра в полдень... тот комплект, что отправится с вами в усыпальницу.

– А что станет с другими?

– Один комплект мы оставим у себя. Затем, когда вы заснете, один комплект пошлем судье и один – в Карлсбадские архивы. Н-да. Доктор предупредил вас о соблюдении диеты?

– Конечно.

Чтобы скрыть раздражение, я стал листать бумаги.

Пауэлл потянулся за ними.

– Я сохраню их до завтра.

Я спрятал бумаги за спину.

– Я и сам смогу их сохранить. Может, мне захочется что-нибудь изменить.

– Увы, уже поздно вносить изменения, дорогой мой мистер Дэвис.

– Не давите на меня. Если надумаю что изменить, приду пораньше.

Я раскрыл сумку и засунул документы во внутренний боковой карман, рядом с Питом. Я и раньше держал там ценные бумаги. Может, там не так надежно, как в архивах, упрятанных в Карлсбадские пещеры, но гораздо надежнее, чем можно себе представить. Однажды какой-то гнусный воришка попробовал залезть в этот карман. Думаю, у него до сих пор на руках и лице шрамы от когтей Пита.

2

Выйдя из здания компании, я спустился к автомобильной стоянке по Першинг-сквер, где утром оставил свою машину. Бросил в счетчик несколько монет, включил автопилот, набрав код западной магистрали, выпустил Пита из сумки на сиденье и расслабился. Вернее, попытался расслабиться, – движение в Лос-Анджелесе интенсивное до жути, а я не очень доверял автоматике. Давно собирался переделать систему: она немного устарела, чтобы соответствовать своему названию «идеально надежной».

Наконец мы миновали Западную авеню – можно было переходить на ручное управление. Однако я уже прилично издергался, и меня потянуло промочить горло.

– А вот и оазис, Пит!

– Вер-р-р-но?

– Прямо перед нами.

Пока я искал, куда бы приткнуть машину (Лос-Анджелесу не грозит оккупация – захватчики просто не найдут места для стоянки), я вдруг вспомнил, что доктор запретил мне прикасаться к спиртному. Тут я очень образно и доходчиво растолковал ему, как он может поступить с подобными советами, – жаль только, что он не мог этого услышать. Интересно, сумеет ли он сутки спустя определить, пил я или нет? Я что-то читал на этот счет, но тогда меня интересовало со-

всем другое, и я пролистал статью, не вникая в смысл написанного.

Черт, а ведь в его власти запретить мне лечь в анабиоз! Буду-ка я похитрее и отложу выпивку до лучших времен.

– С-р-ра-а-з-у-у? – заинтересовался Пит.

– Нет, пожалуй, отложим до лучших времен. А сейчас по-ищем-ка придорожную закусочную.

Я вдруг с удивлением обнаружил, что к выпивке меня совсем не тянет. Вот поесть и выспаться я бы не отказался. Да, доктор оказался прав – я был совершенно трезв и впервые за много недель чувствовал себя хорошо. Может, и вколол-то он мне в корму всего лишь какой-нибудь В1; но если так, то доза была реактивная.

Наконец мы увидели придорожную закусочную и заехали во двор. Себе я заказал цыпленка по-кентуккски, Питу – полфунта рубленого шницеля и немного молока. Пока не принесли заказ, я выпустил Питу поразмяться. Мы с ним часто перекусываем в придорожных заезжаловках – там не надо то и дело загонять Питу в сумку.

Полчаса спустя машина вывезла нас из деловой части города. Я выключил зажигание, закурил, почесал Питу за ухом и задумался.

Дэн, старина, а ведь доктор был прав. Ты пытался залить горе вином, да ничего не вышло – горе осталось. Сейчас ты трезв как стеклышко, сытно поел, и впервые за последнее время на душе у тебя покойно. И чувствуешь ты себя нор-

мально.

Что еще? А может, док прав и в отношении всего остального? Разве ты ребенок избалованный? Или тебе не хватит пороха плюнуть на все и начать по новой? Почему ты идешь на это? Приключений захотелось? Может, ты просто пытаешься бежать от себя, прячешь голову в песок – тоже мне, страус!

Но я действительно хочу дожить до 2000 года!

Ладно, хочешь – живи. Но вот можешь ли ты сбежать и не свести кое с кем счеты здесь? Хорошо, хорошо! Но как я могу свести с ними счеты? Не буду же я добиваться, чтобы Белл вернулась после всего, что она сделала!

А как я еще могу поступить? Подать на них в суд? Не будь идиотом, у тебя нет свидетелей. Да и кто, в сущности, выигрывает процесс? Только сами законники.

– М-у-у-у-у-р-р-р-а-а-а! – подтвердил Пит.

Я взглянул на него: вся морда в шрамах. Уж он-то не станет подавать на кого-то в суд. Не понравится ему, скажем, форма усов у какого-нибудь кота, так Пит просто предложит ему выйти и зубами да когтями растолкует, что к чему.

– А пожалуй, ты прав, Пит. Навещу-ка я Майлза, руки-ноги ему повыдергиваю и выколочу из подонка всю правду. А долгий сон подождет. Должны же мы выяснить, в конце концов, кто из них истинный автор этой подлой затеи.

Из ближайшей телефонной трубки я позвонил Майлзу и велел сидеть дома и ждать.

Мой старикан дал мне имя Дэниел Бун Дэвис,² чем на свой лад выразил отношение к таким понятиям, как свобода личности и вера в собственные силы. Я родился в 1940 году, когда все в один голос утверждали, что незаурядные личности находятся на грани вымирания и будущее – за средним человеком. Отец отказывался верить этому и, назвав меня так, бросил вызов обществу. До последнего вздоха он стремился доказать свою правоту – и умер, когда ему прочистили мозги в Северной Корее.

Когда началась Шестинедельная война, я служил в армии и у меня уже имелся диплом инженера-механика. На призывной комиссии о дипломе я умолчал; единственно, что я унаследовал от отца, – неудержимое желание быть независимым, не отдавать и не выполнять приказов и не подчиняться предписываемым распоряжкам. Я хотел тихо-мирно оттрубить свой срок – и свалить. Во времена холодной войны я был техником-сержантом на складе боеприпасов в городе Сандиа, штат Нью-Мексико, и набивал атомами атомные бомбы, раздумывая между делом, чем бы заняться после дембеля. В тот день, когда Сандиа перестала существовать, я

² *Дэниел Бун* (1734–1820) – один из первых американских поселенцев в Кентукки, ставший впоследствии популярным литературным и фольклорным персонажем.

находился в Далласе, куда меня послали за новыми запасами Schrecklichkeit.³ Радиоактивные осадки отнесло к Оклахоме, поэтому я продолжал тянуть лямку в армии.

Пит выжил по той же причине. У меня был приятель – Майлз Джентри, из резервистов. Он был женат на вдове с ребенком, но к тому времени, как его призвали, жена умерла. Он жил вне казармы, в Альбукерке, чтобы у падчерицы (ее звали Фредерика) был свой дом. Маленькой Рикки (мы никогда не называли ее полным именем) нравилось заботиться о Пите. Спасибо кошачьей богине Бубастис, Рикки и Пита в те страшные дни также не было в городе – они все уехали на выходные: Пита я им подбросил, потому что не мог взять с собой в Даллас.

Нас всех удивило, когда выяснилось, что военные лаборатории запрятаны в Туле и других местах, где – мы и не догадывались. Еще в тридцатые годы стало известно, что человеческое тело можно охладить до состояния, при котором все жизненные процессы организма замедляются до предела. Но до Шестинедельной войны такое охлаждение было возможно лишь в лабораторных условиях и использовалось как крайнее терапевтическое средство. Занимались этим, конечно, в военных лабораториях. А там, чтобы только добиться результатов, ни с какими затратами не считались – ни с людскими, ни с материальными. Напечатай еще миллиард долларов, найми еще тысячу ученых и инженеров – и любую за-

³ Жуть, ужас (нем.).

дачу можно решить, независимо от того, каким необычным, почти неправдоподобным и даже сомнительным способом это будет сделано. Так вот, с помощью стазов, или сна в холоде, или гибернации, или гипотермии, или замедления метаболизма – называйте, как вам больше нравится – тыловые команды исследователей-медиков нашли способ складывать людей, как дрова, – штабелями, чтобы потом размораживать по мере надобности.

Сперва объекту дают наркотик, затем гипнотизируют, охлаждают и содержат при температуре ровно четыре градуса Цельсия. То есть при максимальной плотности воды, когда в ней не образуются кристаллы льда. Если «замороженного» потребуется срочно разбудить, его подвергают диатермии, затем снимают гипноз – и все за каких-то десять минут (в Номе управились и за семь!). Но такая спешка ведет к моментальному старению тканей, в результате чего «размороженный» до конца дней остается идиотом. Такой ускоренный метод профессиональные военные называют «продуманный риск».

И этот риск противник не принял в расчет. Поэтому, когда война закончилась, я не оказался в числе погибших или направленных в лагеря для рабов, а демобилизовался и получил расчет.

На гражданке мы с Майлзом тут же занялись коммерцией. И как раз в то время страховые компании стали предлагать «сон в холоде».

Мы сняли пустующий дом на базе ВВС в пустыне Мохаве, открыли там небольшую фабрику и стали изготавливать «горничных». Техническую сторону дела взял на себя я, а Майлз занимался юридическими вопросами, благо опыта в сфере бизнеса у него хватало. Да, да, это я изобрел «горничную» и все ее семейство – «Вилли-окномоя» и прочих, – хотя в технических паспортах моего имени вы не найдете. В армии я много размышлял о возможностях человека с дипломом инженера. Работать на «Стандарт ойл», «Дюпона» или «Дженерал моторс»? Спустя тридцать лет в вашу честь устроят торжественный ужин с речами и спроведят на пенсию. Вас не обойдут приглашением на приемы, к вашим услугам будет принадлежащий фирме самолет... Но вы никогда не будете хозяином самому себе. Есть что выбрать и среди государственных предприятий. Там – сразу хорошая зарплата, там – приличная пенсия, там – ежегодный месячный отпуск и, наконец, щедрые пособия. Свой оплачиваемый отпуск я уже отгулял и ждал теперь только одного – быть самому себе хозяином. А что по плечу инженеру-одиночке и не требует затраты шести миллионов человеко-часов, прежде чем с конвейера сойдет первая модель?

Все в один голос твердили, что времена велосипедных мастерских, нуждавшихся в небольшом начальном капитале (а с таких мастерских начинали Форд и братья Райт), миновали. Но я не верил этому. Во все отрасли производства бурно внедрялась автоматика: предприятию химической промыш-

ленности теперь требовалось всего три работника – два техника для наблюдения за приборами да охранник; машина продавала билеты на самолет в одном городе, а в шесть других по маршруту передавала информацию о проданных местах; стальные кроты добывали уголь, а горнякам на станции контроля оставалось лишь присматривать за ними, разваливаясь в кресле.

Поэтому, пока числился в раздаточной ведомости дяди Сэма, я от корки до корки проштудировал все засекреченные материалы по связи, электронике и кибернетике, на какие только мог достать разрешение.

Как вы думаете, что автоматизировалось в последнюю очередь? Ответ прост: труд домохозяйек. Женщине не нужен дом, забитый хитроумными, сложными в обращении приборами; ей нужна хорошо оборудованная и изящно обставленная пещера. К тому же домохозяйкам до сих пор свойственно жаловаться на «проблему прислуги», хотя сами слуги, вслед за мастодонтами, ушли в область преданий. Но почти в каждой женщине есть что-то от рабовладельца: они, похоже, до сих пор верят, что где-то должны существовать здоровенные деревенские девки, почитающие за счастье скоблить полы по четырнадцать часов в день, питаться объедками с хозяйского стола и получать гроши, до которых не унился бы и ученик лудильщика.

Поэтому-то мы и называли наше чудовище «горничной». Само название агрегата напоминало о добрых старых време-

нах, когда наши бабушки обращались с прислугой, в основном из эмигрантов, почти как с рабынями. Вообще-то, «горничная» представляла собой всего-навсего пылесос улучшенной конструкции. Мы собирались выбросить его на рынок по ценам, ненамного превышавшим стоимость обычной метлы. Наша «горничная» (первая модель, а не мыслящий робот, в которого я ее потом превратил) могла драить полы – любые полы. Делала она это весь день с утра до вечера, не нуждаясь в присмотре. А где вы видели полы, не требующие, чтобы их время от времени драили? «Горничная» мыла, чистила, натирала их, а что именно надо делать, ей подсказывала ее убогая электронная память. Если ей попадался предмет любого размера, даже с горошину величиной, она поднимала его с пола и клала на поднос, вмонтированный в верхнюю крышку, чтобы кто-нибудь поумней решил – выбрасывать его в мусорное ведро или нет. Она неторопливо разъезжала целый день по квартире в поисках грязи, проникая в самые дальние закоулки. Если в комнате оказывались люди, она, как вышколенная прислуга, тут же поворачивала обратно и оставалась, только когда хозяйка давала на это команду. Ближе к обеду «горничная» направлялась в «стойло» – быстро подзарядиться. Но так было, пока мы не установили ей «вечные» блоки питания. «Горничная» первого выпуска немногим отличалась от обычного пылесоса. Но как раз «немногое» – работа в автоматическом режиме – и обеспечило ее сбыт.

Основной принцип схемы – «автономное патрулирование» – я содрал из журнала «Сайнтифик Америкен»; там в конце сороковых годов была описана схема «электрической черепахи». Блок памяти я «вынул» из электронного мозга управляемой ракеты. (У этих сверхсекретных штук есть неоспоримое достоинство – их не патентуют.) Ну а другие узлы я «позаимствовал» из самых разных приборов, таких, например, как госпитальный полотер, автомат по продаже безалкогольных напитков, манипуляторы, применявшиеся на атомных станциях, и дюжина других. Получалось, что в конструкции самой машины ничего принципиально нового не было; другое дело – как я скомпоновал разные узлы в одно целое. А «искру гениальности», что требовалось в соответствии с «Положением о патентах», мог обнаружить хороший юрист по патентному праву.

Но настоящая гениальность нужна была для того, чтобы наладить выпуск нашей продукции. Собрать «горничную» можно было из стандартных деталей, заказанных по каталогу Свита; исключение составляли несколько эксцентриков и одна печатная плата. Плату нам поставляли по договору, а эксцентрики я изготовлял сам из бросовой военной автоматики прямо в сарае, который мы громко именовали «наша фабрика».

Сначала как было? Майлз да я – вот и весь «сборочный конвейер»: плоское – тащи, круглое – кати, ржавое – закрась. Опытный образец обошелся нам в 4317 долларов 9 центов;

первая сотня моделей – по 39 долларов за штуку. Мы сдали всю партию фирме в Лос-Анджелесе с сетью магазинов, торговавших со скидкой, по 60 долларов за штуку; продавали их уже по 85 долларов. Позволить себе заниматься торговлей мы не могли, а сбыт обеспечивать надо было. Но даже при этом мы чуть с голоду не подошли, пока дождались первых денежных поступлений. Потом журнал «Лайф» дал целый разворот с «горничной», чем оказал неоценимую помощь в реализации нашего детища.

Белл Даркин появилась вскоре после этого. Мы с Майлзом отстукивали наши деловые письма одним пальцем на «Ундервуде» образца 1908 года; Белл была профессиональной машинисткой и получила у нас должность делопроизводителя. Мы взяли напрокат электрическую пишущую машинку со стандартным шрифтом и копировальным устройством, а я набросал эскизы фирменных бланков. Мы все горячо принялись за дело; Пит и я спали прямо в мастерской, а у Майлза и Рикки была хибара поблизости. Чтобы быть защищенными от всяких неожиданностей, мы оформили наш юридический статус. В члены корпорации вошли три человека: Белл, получившая долю в нашем деле и титул секретаря-казначей, Майлз – как президент и генеральный директор, и я – в качестве главного инженера и председателя правления с правом на... пятьдесят один процент акций.

Хочу, чтобы было понятно, почему я сохранил контроль над делом. Я не эгоист, но просто мне хотелось быть хозя-

ином самому себе. Конечно, хотя Майлз, надо отдать ему должное, и вкалывал как лошадь, но больше шестидесяти-то процентов начального капитала принадлежали мне; а все, что было изобретено и воплощено в жизнь, на все сто процентов было достигнуто моим трудом. Майлз вряд ли смог бы сделать «горничную», а вот я смог. И сделал бы, даже если не сам, то уж с дюжиной первых попавшихся под руку помощников – наверняка. Но мои попытки превратить «горничную» в деньги потерпели бы неудачу: Майлз был бизнесменом, а я – нет.

Но я хотел иметь гарантии сохранения контроля за делом... и предоставил Майлзу равные возможности. Слишком большие возможности, как выяснилось позже.

Первую модель «горничной» раскупали, как пиво на стадионе. Тем временем я был занят ее модернизацией, установкой сборочной линии и подбором управляющего фабрикой. Потом мне в голову пришла счастливая мысль заняться другими механизмами для работы по дому. Просто поразительно, как мало внимания уделялось облегчению домашнего труда, хотя он составляет, как утверждают женские журналы, пятьдесят процентов всей работы, производимой в мире. Эти журналы толковали об «облегчении домашнего труда» и «функциональных кухнях», но то был детский лепет; на глянцевах картинках красовались приспособления, в сущности мало чем отличавшиеся от домашней утвари времен Шекспира. Техническая революция, заменившая карету ре-

активным самолетом, еще не коснувшись труда домохозяек.

Я убежден, что домохозяйки – народ весьма консервативный. Они не признают никаких машин для домашнего труда – только приспособления для уборки, приготовления пищи и по уходу за детьми, чтобы заменить труд вымершей породы домашних слуг.

И я задумался о грязных окнах и рыжем налете на эмалированной поверхности ванн: чтобы соскоблить этот налет, надо согнуться в три погибели. Оказалось, что электростатическое устройство моментально удаляет грязь с любой гладкой силикатной поверхности: с оконных стекол, ванн, унитазов и тому подобного. Вот так и появился «Вилли-окномой», и я только диву давался, почему никто до меня не додумался сконструировать его. Я не пускал его в производство, пока не сделал настолько дешевым, что люди покупали его не задумываясь. Кстати, а вы знаете, во сколько вам обойдется нанять мойщика окон?

Я не пускал «Вилли» в производство гораздо дольше, чем это устраивало Майлза: я хотел, чтобы у владельцев не было трудностей и с ремонтом «Вилли». Самый большой недостаток подобных приспособлений в том, что они выходят из строя как раз в то время, когда вы позарез нуждаетесь в их услугах. И чем они лучше, чем больше операций способны выполнять – тем больше вероятность их поломки. А в этом случае требовался специалист для их починки, с оплатой не менее пяти долларов в час. На следующей неделе случилось

то же самое – теперь с мойкой или кондиционером... и, как правило, в субботу поздно вечером. А я хотел, чтобы мои приспособления работали, работали долго, не доводя их владельцев до инфаркта.

Но любые приспособления, даже сконструированные мною, когда-нибудь выходят из строя. И так будет продолжаться, пока в них имеются подвижные узлы. Даже если у вас полон дом всяких приспособлений, наверняка несколько из них сломаны.

Но военные уже много лет назад решили эту проблему. Нельзя же проигрывать сражение или даже войну, терять миллионы человеческих жизней только потому, что в каком-то механизме полетит деталька величиной с палец. Для этих целей существовало множество уловок – аварийные системы, контроль надежности, тройные цепи и так далее. Но из того, что они использовали, для производства приспособлений, облегчавших домашний труд, годился только принцип блоков.

Сама мысль проста до глупости: не чинить, а заменять. Мне хотелось заменить блоками те части «Вилли», которые чаще всего выходят из строя. Следующий этап – снабдить каждый агрегат запасными блоками. Замененные части можно будет или выкинуть, или отправить в ремонт. Зато сам «Вилли» простоит только то время, которое понадобится на замену вышедшего из строя блока новым.

Тут и возникла первая ссора между мной и Майлзом. Я

заявил, что определять время запуска первой модели в производство нужно с инженерной точки зрения, а Майлз настаивал, что только с точки зрения выгоды для фирмы. Согласись я на это – «Вилли» поступал бы на рынок таким же недоделанным и непрочным, как другие приспособления «для облегчения домашнего труда». И его владельцы если не инфаркт, то, во всяком случае, изжогу точно заработали бы.

Помирила нас Белл Даркин. Если б она на меня нажала, я, может, и позволил бы Майлзу начать продажу «Вилли» прежде, чем сам считал необходимым. Слепое обожание делает мужчину идиотом – а я боготворил Белл. Она не только была превосходным секретарем и управительницей, но и обладала к тому же формами, которые вдохновили бы и Праксителя, а ее духи действовали на меня, как валерьянка на Пита. Машинистки высшего класса – а Белл была именно таковой – нынче большая редкость. И если одна из них вдруг соглашается работать за гроши в заваливающей фирме вроде нашей, то должен возникнуть естественный вопрос: почему? А мы даже не поинтересовались, где она работала прежде, – так обрадовались, что кто-то освободит нас от потока бумаг, связанных со сбытом «горничной».

Спустя некоторое время я уже с негодованием отвергал любое предложение Майлза проконтролировать работу Белл – увы, на мои суждения оказывали большое влияние размеры ее бюста. Она милостиво разрешила мне рассказывать, как одинок я был до встречи с нею, и ласково отвечала, что

ей хотелось бы узнать меня получше, ибо она испытывает ко мне нечто большее, чем простую симпатию. Наконец Белл согласилась соединить свою судьбу с моей. Это случилось вскоре после того, как она помирила меня с Майлзом.

– Дэн, милый, у тебя задатки великого человека... и мне кажется, я именно та женщина, которая поможет тебе им стать.

– Конечно ты – и никто больше!

– Ну-ну, милый. Но я не собираюсь тут же выскакивать за тебя замуж. Мне не хочется обременять тебя детьми и всем, что сопутствует семейной жизни. Я стану работать вместе с тобой и добьюсь, чтобы наша фирма процветала. А уж потом мы поженимся.

Я попытался возражать, но она оставалась непреклонной:

– Нет, дорогой. Впереди у нас – долгий путь. Фирма «Горничная» станет такой же известной, как «Дженерал электрик». И тогда мы поженимся, я плюну на бизнес и целиком посвящу себя заботам о тебе. Но сначала я должна подумать о твоём благополучии – ради нашего общего будущего. Верь мне, милый.

Ну я и верил. Она не позволила мне приобрести дорогое обручальное кольцо, что я присмотрел для нашей помолвки; вместо этого я переписал на её имя часть моих акций. Правда, сейчас я не очень-то уверен, кто из нас первый предложил заменить кольцо акциями.

После этого я стал работать усерднее, чем раньше, при-

думал самоопорожнявшееся мусорное ведро и мойку, укладывая вымытую посуду в кухонный шкаф. И все были счастливы; все, кроме Пита и Рикки. Пит игнорировал Белл, как и все, что он не одобрял, но изменить не мог. А вот Рикки была по-настоящему несчастна.

И виной тому был я. Рикки лет с шести считалась «моей девушкой» – еще в Сандиа, когда я служил в армии, а она была смешной девчушкой с торчащими во все стороны волосами и грустными карими глазами. И я обещал жениться на ней, когда она подрастет, чтобы мы вместе заботились о Пите. Мне-то все представлялось забавной игрой, да так оно в самом деле и было. Я считал, что во всем этом самое важное для малышки – заботиться о нашем коте. Но кто может узнать, что происходит в детской душе?

Честно говоря, к детям я особой нежности не питаю. По-моему, большинство детей – маленькие дикари, и, только став взрослыми, они научатся вести себя. Впрочем, далеко не все из них будут при этом цивилизованными людьми.

Но маленькая Фредерика напоминала мне мою родную сестру, а кроме того, она любила Пита и заботилась о нем. По-моему, я ей нравился за то, что никогда не ругался (с детства не выношу грязных выражений) и серьезно относился к ее участию в скаутском движении. Рикки была молодцом: она вела себя с достоинством – не зазнавалась и не хныкала, не лезла на колени. Мы были друзьями, вместе заботились о Пите и играли в «жениха и невесту».

После того как мама и сестренка погибли под бомбежкой, я прекратил игру. Не потому, что я принял сознательное решение, просто мне больше не хотелось шутить, да и вообще возвращаться к прошлому. Тогда ей было лет семь, а ко времени, когда мы с Белл обручились, все одиннадцать.

Наверно, я один и признавал, как сильно Рикки ненавидела Белл, хотя внешне неприязнь проявлялась только в отказе разговаривать с ней. Белл называла это застенчивостью, и Майлз, думаю, был с нею согласен.

Но я-то догадывался, в чем дело, и пытался подействовать на Рикки. Вы когда-нибудь пробовали обсуждать с подростком тему, на которую тот не желает разговаривать? Пользы столько же, сколько от крика под водой. Я утешал себя, что все еще может измениться, едва Рикки поймет, какая Белл добрая.

А тут еще и Пит.

С ним, правда, дело обстояло иначе. Если бы я не был по уши влюблен, то его поведение меня давно бы уже насторожило. И я понял бы, что нам с Белл никогда не понять друг друга и никогда не быть вместе.

Белл – конечно же! – любила моего кота. И вообще она обожала кошек, ей нравилась моя намечавшаяся лысина, и ее приводил в восторг мой выбор блюд в ресторанах – словом, все, что касалось меня, вызывало у нее восхищение.

Но кошек не обманешь – они прекрасно чувствуют, кто их любит, а кто нет. Вообще человечество делится на «кошат-

ников» и прочих. Причем прочих подавляющее большинство. Даже если они и прикидываются из вежливости (или по другим причинам), будто любят кошек, то тут же выдают себя с головой; надо знать, как обращаться с кошками! Кошачий протокол гораздо строже дипломатического – в его основе чувство собственного достоинства и взаимное уважение. В нем есть что-то от *Dignidad de hombre*⁴ латиноамериканцев, на что посягнуть можно только с риском для жизни. Кошки напрочь лишены чувства юмора, они непомерно эгоистичны и очень обидчивы.

Мне легче доказать человеку, который не любит острых сыров, преимущество рокфора перед швейцарским, чем найти логическое объяснение тому, что я трачу столько времени на возню с котом. Тем не менее я вполне понимаю китайского мандарина – того, кто отрезал рукав халата, покрытого бесценной вышивкой, потому, что на нем спал котенок.

Белл стремилась показать, как она «любит» Пита, играя с ним, словно с собакой... и он ее, конечно, царапал. Затем, как и всякий благовоспитанный кот, он по-быстрому смылся и где-то отсиживался некоторое время. Он поступал весьма мудро, иначе я бы его шлепал; а Пита никто никогда не наказывал, даже я. Бить кота совершенно бесполезно; чтобы вразумить его, нужно огромное терпение.

Я смазывал Белл царапины йодом и старался объяснить, в чем ее ошибка.

⁴ Чувство собственного достоинства (*исп.*).

– Мне ужасно жаль, что так получается, поверь! Но если будешь продолжать в том же духе, он тебя снова поцарапает.

– Но я только хотела поласкать его!

– Да, но... ты ласкала его, как ласкают собак. Никогда не похлопывай кошку, а только поглаживай. И не делай резких движений перед самым его носом; когда ты гладишь Пита, ему нужно видеть, что у тебя добрые намерения. Ты всегда должна быть уверена, что ему это нравится. Если ему не хочется, чтобы его гладили, он потерпит из вежливости – коты ведь очень вежливы, – но только недолго. Так что очень важно оставить его в покое прежде, чем у него лопнет терпение. – Я помолчал. – Ты же не любишь кошек?

– Что? Фу, какие глупости! Конечно же люблю. Просто мне не приходилось часто иметь с ними дело. Она у тебя очень обидчивая?

– Он. Пит – кот. Вообще-то, он не обидчив, с ним всегда хорошо обходились. Но, повторяю, с кошками надо уметь обращаться. И никогда не надо смеяться над ними.

– Что? Почему, ради всего святого?

– Потому что они действительно забавны, даже очень комичны, пожалуй. Но у них отсутствует чувство юмора – насмешка их обижает. Однако упрекать тебя за то, что ты смеешься над ним, он не станет, а просто удалится, и завоевать его дружбу снова будет непросто. Но это не так важно. Гораздо важнее знать, как найти к нему подход. Когда Пит вернется, я научу тебя, что нужно сделать.

Но в тот день Пит так и не вернулся, и мне не пришлось учить ее. С тех пор Белл ни разу к нему не прикоснулась. Она разговаривала с ним и вообще вела себя так, будто любила его, но держалась от него подальше. Пит тоже соблюдал дистанцию. Я вскоре забыл о случившемся – не мог же я из-за такой ерунды позволить себе сомневаться в женщине, которая была для меня дороже всего на свете.

Но вопрос о Пите вновь возник и чуть не стал камнем преткновения. Мы с Белл обсуждали, где будем жить, когда поженимся. Правда, тогда она не назвала дня нашей свадьбы, но мы тем не менее тратили массу времени, обсуждая всякие подробности. Я хотел приобрести небольшое ранчо неподалеку от фабрики, а Белл предпочитала квартиру в городе, пока мы не сможем позволить себе приобрести виллу в районе Бель-Эр.

– Дорогая, это непрактично, – уверял я ее. – Мне необходимо жить поближе к работе. А кроме того, как в городской квартире держать кота?

– Ах вот ты о чем. Я рада, что ты сам упомянул об этом. Я тут подзанялась кошачьим вопросом серьезно, прочитала пару книг. Мы его кастрируем, тогда он станет более покладистым и будет вполне счастлив, живя в квартире.

Я уставился на нее, не веря своим ушам. Превратить старого бойца в евнуха? Сделать из него украшение для камина?

– Белл, ты сама не понимаешь, что говоришь!

– Не спорь, мамочке лучше знать, – нетерпеливо перебила она.

И принялась выкладывать обычный набор доводов, свойственных тем, кто считает кошек лишь частью интерьера. И что ему, мол, не будет больно, и что для его же блага, и что она знает, как он для меня дорог, и что у нее в мыслях не было лишать меня общества Пита... и что так для всех нас будет лучше.

Я прервал ее:

– А почему бы тебе не устроить это нам обоим?

– Что ты имеешь в виду, дорогой?

– Себя. Я стал бы послушным, всегда бы ночевал дома и никогда с тобой не спорил. Как ты заметила, это совсем не больно, и я даже стал бы намного счастливее.

– Ты говоришь глупости, – покраснев, сказала Белл.

– Ты тоже.

Больше она об этом не заговаривала.

Белл никогда не допускала, чтобы разногласия приводили к ссоре. Она замолчала и затаилась, ожидая подходящего случая. В ней, пожалуй, тоже было что-то кошачье... поэтому, наверно, я и не мог бы от нее отказаться.

И я рад был случаю замять дело, поскольку по уши был занят новой работой. «Ловкий Фрэнк», «Вилли» и «горничная» должны были обязательно принести нам большой доход. Но я был помешан на идее создать совершенный многоцелевой домашний автомат-слугу. Можете назвать его робо-

том, хотя такое определение не совсем точно, да и я не имел намерения конструировать механического человека.

Мне хотелось создать агрегат, который мог бы выполнять любую работу по дому – не только уборку и приготовление пищи, но и более сложную: менять грудным детям подгузники или заправлять новую ленту в пишущую машинку. Я хотел, чтобы вместо одноцелевых «горничных», «Вилли-окномоев», «нянек Нэнси», «огородников Гессов» любая семья была бы в состоянии купить одну машину, и по цене, ну скажем, хорошего автомобиля. А делать такая машина могла бы все – как слуги-китайцы, правда известные моему поколению только по книгам.

Создание такой машины было бы равносильно появлению нового «Манифеста об освобождении рабов». Мне хотелось опровергнуть старую истину: «домашнюю работу никогда не переделаешь». Нудная, тяжелая, однообразная работа по дому оскорбляла мои чувства инженера.

«Ловкого Фрэнка» я хотел сотворить из стандартных частей и на основе уже известных принципов. В одиночку с нуля не начнешь: тут надо было использовать прежний научно-технический опыт и развивать его дальше. Иначе ни черта не вышло бы. К счастью, уже многого достигла оборонная промышленность, и, имея доступ к секретным сведениям, я времени в армии даром не терял. Да моему агрегату и не требовалось выполнять столь же сложные задания, что и управляемой ракете. Я добивался одного: «ловкий Фрэнк» должен

был производить любую работу по дому, которую до сих пор делала женщина. Он не должен был уметь играть в карты, заниматься любовью, есть или спать, но должен был прибираться за картежниками, готовить, застилать кровати, нянчить детишек – уж во всяком случае, следить за их дыханием во сне и звать кого-нибудь, если что не так. Не было необходимости «учить» его отвечать на телефонные звонки – такой прибор уже выпускала АТТ. На дверные звонки он тоже мог не отвечать – большинство квартир в новых домах оборудовались системой ответчиков. Но чтобы выполнять такое множество обязанностей, у него должны были быть руки, глаза, уши и мозг... достаточно вместительный мозг.

«Руки» я мог заказать у компании, изготовлявшей оборудование для атомной промышленности, – они же поставляли «руки» для «горничной». Но на этот раз мне требовались приборы лучшего качества, с многоцелевым сервомеханизмом и обратной связью, с большими степенями свободы, – те, что использовались при отмеривании радиоактивных изотопов.

Та же компания могла поставлять и «глаза» – правда, они могли бы быть более простой конструкции, ведь «Фрэнку» не требовалось видеть и действовать из-за бетонных укрытий, как на атомных станциях.

«Уши» приобретались через компании по производству телевизоров, хотя я и сам мог бы разработать схему, обеспечивающую управление «руками» Фрэнка по тому же прин-

ципу, как «управляются» руки человека.

Но, используя транзисторы и печатные схемы, в небольшом объеме возможно уместить множество центров управления различными операциями. «Фрэнку» не придется пользоваться стремянкой, чтобы, скажем, покрасить потолок. Я сделаю, чтобы у него могла вытягиваться шея... и руки. А может быть, научить его спускаться и подниматься по лестнице?

Вообще-то, аналог уже имелся – инвалидное кресло на колесах с мощным приводом. Стоило, наверно, приобрести одно из них и использовать как основу для шасси, подогнав под него размеры и вес опытной модели, – так я получил бы необходимые параметры для разработки. Управлять передвижением будет «мозг» «Фрэнка».

С «мозгом» мне пришлось помучиться. Можно собрать агрегат, соединить отдельные части наподобие человеческого скелета или даже более функционально. Можно собрать достаточно тонкую координационную систему – так, чтобы этот агрегат забивал гвозди, соскребал грязь с пола, разбивал яйца или, наоборот, не разбивал. Но пока у него нет центра управления, соответствующего тому, что размещается у человека в черепной коробке, машина мертва. К счастью, человеческий мозг мне и не требовался: я хотел создать послушного идиота, годного в основном только для нудной домашней работы.

Здесьгодились трубки памяти Торсена. Они приме-

нялись в межконтинентальных ракетах, и их упрощенный вариант – в системах регулирования уличного движения, в Лос-Анджелесе например. Нет нужды углубляться в теорию электронных трубок, поскольку даже в лабораториях «Белл корпорейшн» в этом не очень разбираются. Суть заключается в том, что, если вмонтировать трубку Торсена в механизм контроля и запрограммировать операцию, трубка «запомнит» ее и сможет в дальнейшем управлять операцией без участия человека. Этого вполне достаточно для работы сложных станков. Но для более хитроумных механизмов – управляемых ракет и «ловкого Фрэнка» – необходимо вмонтировать вторичные цепи, которые дадут возможность машине «рассуждать». Конечно, рассуждать, как человек, машина, по-моему, не сможет никогда, просто регулирующие цепи дадут команду: следить за тем-то и тем-то в таких-то пределах; обнаружив то-то и то-то, действовать по программе. Сложность программы зависит от возможностей памяти трубки Торсена – а они практически неограниченны! Можно так запрограммировать, что вторичные «цепи рассуждения» в любое время прервут цикл, если возникнет несоответствие с первично заложенной информацией. То есть смысл в том, что нужно лишь однажды научить «ловкого Фрэнка» вытирать со стола, очищать тарелки от остатков пищи и загружать их в мойку, – дальше он все это запомнит и будет действовать самостоятельно. А электронная регулирующая – «цепь рассуждения» – проследит, чтобы он не бил тарелки. Если

вставить вторую трубку памяти, машина сможет менять пленки младенцу, но никогда не выбросит в мусорное ведро вместо использованных пеленок ребенка.

В квадратную голову «Фрэнка» легко могла бы вместиться хотя сотня таких трубок. В каждую из них можно занести память только об одной определенной операции. Затем монтируется цепь блокирования на случай, если «Фрэнк» столкнется с чем-то, что не вложено в его память, – в этом случае цепь сработает, он остановится и «позовет на помощь». И дети, и посуда – в безопасности. Так на каркасе инвалидного кресла на колесах я построил своего «Фрэнка». Выглядел он, как осьминог в любовной схватке с вешалкой... но как при этом чистил серебряные ложки!

* * *

Майлз с недоверием осмотрел первого «Фрэнка». Он внимательно наблюдал, как «Фрэнк» смешал мартини и подал нам стаканы, потом вытряхнул и тщательно протер пепельницы (не прикоснувшись к тем, что стояли чистыми), открыл окно и закрепил рамы, подъехал к книжному шкафу, вытер пыль с книг и снова аккуратно расставил их по полкам.

– Много вермута, – сделав глоток, сказал Майлз.

– Именно так мне и нравится. Но можно научить его смешивать и в твоём вкусе. У него ещё не задействовано много трубок.

Майлз сделал еще глоток.

– Как скоро его можно пустить в производство?

– Ну, лет десять с ним надо повозиться, – отвечал я. И, не ожидая, пока он взвоят, добавил: – Однако упрощенную модель можно будет запускать уже лет через пять.

– Чушь! Мы обеспечим тебя всем необходимым, но опытный образец должен быть готов через полгода.

– Черта с два. Ведь это мое *magnum opus*.⁵ И я не собираюсь отдавать его, пока он не станет произведением искусства: во-первых, размером в три раза меньше, во-вторых, у него должны полностью заменяться блоки, кроме торсеновских трубок. Он будет настолько ловким, что сможет не только прогуливать собак и купать детей, но даже играть в пинг-понг. Разумеется, если покупатель доплатит. – Я взглянул на «Фрэнка»: тот методично вытирал пыль с моего стола и при этом возвращал каждую бумажку на то же место, откуда брал. – Правда, играть с ним в пинг-понг мало радости – всегда будешь проигрывать. Хотя, думаю, его можно научить изредка «мазать». Ну да и покупатель на это клюнет.

– Год. Один год, Дэн, и ни днем больше. Я найму какого-нибудь электронщика тебе в помощь.

– Майлз! Когда ты наконец запомнишь, что технической стороной дела команду я. Твой черед наступит, когда я передам тебе готовую модель... но не раньше.

– И все-таки вермута многовато, – ответил Майлз.

⁵ Великое творение (*лат.*).

Я ковырялся потихоньку с помощью наших механиков, пока не добился, что «Фрэнк» стал меньше походить на гибрид газонокосилки с игральным автоматом, а стал выглядеть как машина, которой не грех и перед соседями похвастаться. Между делом я устранил множество неполадок в его системе контроля. Я даже научил его гладить Пита и чесать его за ухом именно так, как тому нравилось. А для этого, поверьте мне, нужна была система обратной связи не хуже тех, что использовались в приборах атомных станций. Майлз на меня не давил, хотя и заходил ко мне время от времени посмотреть, как продвигается дело. Большую часть работы я делал по ночам, поужинав с Белл и проводив ее домой. Днем отсыпался, потом приезжал на фабрику, подмахивал не глядя бумаги, подготовленные Белл, и шел смотреть, что успели сделать за день механики. Потом вез Белл куда-нибудь ужинать. Днем я не выкладывался: не встречаться же с любимой женщиной, когда от тебя несет потом, как от козла. После напряженной работы ночью в лаборатории фабрики вряд ли кто-нибудь вынес бы мое присутствие. Кроме Пита, конечно.

Как-то раз мы с Белл, как обычно, ужинали в ресторане. Когда подали кофе, Белл спросила меня:

– Возвращаешься на фабрику?

– Конечно. А что?

– Да ничего, так просто. Майлз собрался встретить нас там.

– А...

– Он хочет провести общее собрание акционеров.

– Общее собрание? Для чего?

– Не беспокойся, оно будет коротким. Ты, милый, последнее время так мало внимания уделяешь делам фирмы. Майлз хотел подвести итоги и определить нашу дальнейшую политику.

– Я вплотную занимаюсь инженерными вопросами. Что еще от меня требуется?

– Ничего, милый. Майлз сказал, собрание долго не продлится.

– Да что случилось-то? У Джейка неполадки со сборочной линией?

– Милый, ну пожалуйста! Майлз мне не говорил зачем. Допивай быстрее кофе.

Майлз и впрямь ожидал нас на фабрике. Он торжественно пожал мне руку, словно мы месяц не виделись.

– Майлз, в чем дело? – спросил я.

Он не ответил, а, повернувшись к Белл, спросил:

– Повестка дня готова?

Уже одно это должно было меня насторожить: ведь Белл явно лгала, утверждая, будто Майлз ни о чем ее не известил. Но тогда я ничего не заметил. Ведь я верил Белл, черт меня подери! Да к тому же я отвлекся на другое: Белл подошла к

сейфу, нажала ручку и открыла дверцу.

– Кстати, дорогая. Вчера ночью я пытался открыть сейф и не смог. Ты что, изменила шифр?

Она, не оборачиваясь, вынимала бумаги из сейфа.

– Разве я тебе не говорила? На прошлой неделе кто-то пытался его взломать, и в полиции нам посоветовали изменить шифр.

– Тогда неплохо бы и мне знать его, а то придется называть кому-нибудь из вас ночью, в неурочный час.

– Конечно, конечно. – Она закрыла сейф и положила папку на стол, за которым мы проводили заседания.

Майлз прочистил горло и сказал:

– Давайте начнем.

– Ладно, – согласился я. – Если у нас деловое совещание, стенографируй, милая. Итак... Среда, восемнадцатое ноября тысяча девятьсот семидесятого года, двадцать один час двадцать минут. Присутствуют все держатели акций – запиши наши имена. Председательствующий – Д. Б. Дэвис, вице-председатель правления. Какие вопросы, рассматривавшиеся на прошлой встрече, остались нерешенными?

Таковых не оказалось.

– Отлично. Валяй, Майлз. Возникло что-нибудь новенькое?

Майлз прокашлялся.

– Я хочу проанализировать политику фирмы, представить программу на будущее и обсудить финансовое положение.

– Финансовое? Не дури. Мы ведем дело с прибылью, и с каждым месяцем она возрастает. В чем дело, Майлз? Недоволен своим текущим счетом в банке? Мы могли бы тебе кое-что подкинуть.

– Новая программа потребует от нас значительного расширения структуры фирмы. Мы можем лишиться прибыли.

– Что за новая программа?

– Подожди, Дэн. Я взял на себя труд записать все подробно. Пусть Белл нам прочтет.

– Ладно... пусть.

Если отбросить цветастые обороты, а Майлз, как и все юристы, любил разглагольствовать, коротко дело сводилось к следующим трем пунктам: а) Майлз настаивал на том, чтобы я передал «ловкого Фрэнка» мастерам-производственникам и те без задержки пустили бы его в производство – и в продажу...

– Нет! – остановил я Белл.

– погоди, Дэн. Как председатель и генеральный директор, я, естественно, имею право в процедурном порядке высказать свои мысли. Оставь замечания при себе. Дай Белл дочитать до конца.

– Ну ладно... хорошо, хорошо. Только ответ все равно один – нет!

Пункт «б» гласил, что нам пора задуматься о расширении дела. Мы первыми начали выпуск подобной сложной техники, которую можно сравнить с автомобилями. Поэтому нам

надо срочно расширяться и основать компанию по продаже и продвижению нашего товара на общенациональный и мировой рынок.

Я нервно забарабанил пальцами по столу. Представляю, каково быть главным инженером такой компании, – они и до чертежной-то доски меня не допустят, а главной моей заботой будет, чтобы профсоюз не объявлял забастовок. С таким же успехом я мог бы остаться в армии и попытаться дослужиться до генерала.

Но я не стал прерывать чтения.

В пункте «в» говорилось, что грошами тут не обойтись, нужны миллионы. Финансировать нас берется «Мэнникс энтерпрайзес», конечно под обеспечение нашими акциями и патентом на «Фрэнка». Мы же превращаемся в дочернее предприятие. Майлз становится управляющим отделения, я – главным инженером-разработчиком. Но нашей свободе – конец: мы оба будем работать по найму.

– Все? – спросил я.

– Мм... да. Давайте обсудим и проголосуем, – сказал Майлз.

– Ну что же... Надеюсь, нам хотя бы гарантируется право сидеть по вечерам перед лачугой и распевать спиричуэлс?

– Тут не место шуткам, Дэн. Выход у нас только в том, что я предложил.

– А я и не шучу. Чтобы невольник не бунтовал, должна же быть у него хоть какая-то привилегия. Да ладно. Теперь

моя очередь?

– Говори, говори.

Я внес контрпредложение – оно родилось у меня, пока я их слушал: мы полностью отстраняемся от производства.

Джейк Шмидт – наш управляющий производством – был неплохим парнем, тем не менее меня постоянно отвлекали от проектирования по всяким производственным пустякам: из теплого тумана творчества – в ледяную воду действительности. Поэтому я работал в основном по ночам, а днем старался держаться от фабрики подальше. А если расширяться, занять еще несколько зданий, ввести вторую смену, то наступит время, когда о творческой работе придется забыть, даже при условии, что осуществится этот совершенно неприемлемый план – стать в один ряд с «Дженерал моторс» и «Консолидейтед». Я не един в двух лицах и не смогу, естественно, быть и изобретателем, и управляющим производством.

Итак, я предложил не расширяться, а, наоборот, сократиться. Запатентовать «горничную» и «Вилли-окномоя», продать лицензии на их производство и сбыт какой-нибудь фирме, а самим только загребать денежки. Когда «Фрэнк» будет готов, мы его тоже запатентуем. Если «Мэнникс» купит лицензию на его производство и будет продавать «Фрэнка» по более высоким ценам – черт с ними! Тем временем мы изменим название на «Дэвис и Джентри. Исследовательская корпорация». В нее войдут трое: мы сами – Белл, Майлз и я – да пара наемных механиков мне в помощь, чтобы

ковыряться с новыми агрегатами. Майлз и Белл останутся сидеть в конторе и подсчитывать денежки.

Майлз медленно покачал головой:

– Нет, Дэн. Продажа патента даст нам кое-какую гарантированную прибыль. Но мы получим много больше, если будем производить товар сами.

– К черту, Майлз! Да не будем мы сами производить, вот в чем штука. Ты что, хочешь запродавать наши души «Мэнниксу»? Ну сколько тебе надо? Ты же не сможешь одновременно пользоваться больше чем одной яхтой и одним бассейном, верно? Не пройдет и года, как у тебя будет и яхта, и бассейн, если тебе уж так хочется их иметь.

– Они мне не нужны.

– А что тебе нужно?

Он поднял на меня глаза:

– Дэн, ты хочешь изобретать. Мой план позволяет тебе заняться любимым делом – мы обеспечим все необходимое: оборудование, помощь, любые деньги. Что касается меня – я хочу вести большое дело. Большое. У меня призвание. – Он взглянул на Белл. – И мне вовсе не улыбается до конца жизни торчать здесь, в самом центре пустыни Мохаве, и быть управляющим при изобретателе-одиночке.

Я в изумлении уставился на него.

– Раньше, в Сандиа, ты говорил по-другому. Хочешь выйти из дела, папаша? Нам с Белл будет чертовски неприятно, если ты так поступишь... Но уж если ты надумал... Я залю-

жу землю или еще что-нибудь и откуплю твою долю. Не хотелось бы, чтобы кто-то чувствовал себя обиженным.

Я был потрясен до глубины души. Ну что ж, если старина Майлз так настойчив, я не считал себя вправе заставлять его делать по-моему.

– Нет, из дела я не хочу выходить, – упрямо заявил Майлз. – Я хочу его расширить. Ты же слышал, о чем я говорил: у нас есть официальное предложение от корпорации. И я считаю, мы должны его принять.

Думаю, вид у меня был несколько озадаченный.

– Ты настаиваешь на своем? Ладно. Белл, пиши: я – против. Не стану торопить тебя с рассмотрением моего контрпредложения. Обсудим все в ближайшее время. Хочу, чтобы ты остался доволен, Майлз.

Но Майлз продолжал упорствовать:

– Проголосуем как положено. Поименно. Начнем, Белл.

– Хорошо, сэр. Майлз Джентри голосует пакетом акций, – она перечислила номера и серии, – и отдает свой голос...

– За.

Она сделала отметку в блокноте.

– Дэниел Б. Дэвис голосует пакетом акций, – опять перечисление номеров и серий, – и отдает свой голос...

– Против. Ну вот и все. Сожалею, Майлз.

– Белл С. Даркин, – словно не слыша, продолжала она, – голосует... – перечисление цифр, – за!

У меня отвисла челюсть; перестав ловить открытым ртом

воздух, я наконец проямлил:

– Но ты не вправе так поступать, детка... Конечно, акции твои, но ведь ты прекрасно знаешь, что...

– Объявите результаты голосования, – прорычал Майлз.

– Большинство – за. Первое предложение проходит.

– Внесите в протокол.

– Слушаюсь, сэр.

Некоторое время я оставался в полном замешательстве. Потом начал орать на нее, потом пытался образумить, но запутался в своих доводах и сказал, что она поступила просто подло. Действительно, я переписал акции на ее имя, но она-то прекрасно знала, что это всего-навсего подарок к нашей помолвке. Я и в мыслях не держал терять контроль над делом! Тьфу ты, я ведь даже в апреле уплатил за них налог. И если она выкинула такое, пока мы помолвлены, что же от нее можно ожидать, когда она станет моей женой?

Белл же уставилась на меня не мигая – лицо ее показалось мне совершенно чужим.

– Дэн Дэвис, если вы думаете, что после всего, что здесь наговорили, я считаю себя помолвленной с вами, то вы еще глупее, чем я предполагала. – Она повернулась к Джентри: – Отвезешь меня домой, Майлз?

– Обязательно, дорогая.

Я хотел было что-то сказать, но махнул рукой и вымелся оттуда, даже не захватив шляпу. Самое время было убраться, а то я, пожалуй, прикончил бы Майлза; Белл-то, конечно, я

и пальцем тронуть не смог бы.

В ту ночь мне было не до сна. Часа в четыре утра я вылез из кровати и сделал несколько телефонных звонков. К пяти тридцати я уже был у ворот фабрики с грузовичком, снабженным подъемным устройством. Правда, за срочность с меня содрали кругленькую сумму. Я намеревался открыть ворота, подогнать машину к разгрузочной платформе и перетащить «Фрэнка» в кузов.

На воротах висел новый замок.

Обдираясь о колючую проволоку, я перебрался через забор. Запертые ворота меня не беспокоили: в мастерской наверняка найдутся инструменты, чтобы их открыть.

Но замок входной двери мастерской тоже был заменен. Я стал прикидывать, что лучше – разбить стекло монтировкой или достать из кабины ломик и отжать им дверь. Вдруг кто-то заорал:

– Эй, ты! Руки вверх!

Рук я не поднял, но обернулся. Средних лет мужчина направил на меня револьвер размером с осадную пушку.

– Вы кто такой, черт возьми!

– А вы кто?

– Я Дэн Дэвис – главный инженер этого предприятия.

Он немного обмяк, но миномет свой не опустил.

– Ну да, мне вас так и обрисовали. Но если при вас есть какой-нибудь документ, лучше вы его мне предъявите.

– Чего ради? Я ведь спросил вас, кто вы такой.

– Я-то? Да вы меня не знаете. Звать меня Джо Тодд из Мохавской службы охраны. Работаем по частным лицензиям. Уж вы-то должны знать нашу контору: ваша фирма уже несколько месяцев наш клиент. Но сегодня ночью я на спецзадании.

– Да ну? Тогда, если вам доверили ключ, отоприте дверь. Мне нужно войти в мастерскую. И бросьте целиться в меня из вашей базуки...

Дуло по-прежнему смотрело мне прямо в живот.

– Не могу сделать этого, правда. Первое дело – у меня нет ключа. Второе дело – у меня насчет вас приказ: не пускать вас вовнутрь. Вот за ворота я вас выпущу.

– Ладно, открывайте ворота. Но мне-то надо как раз вовнутрь. – Я оглянулся в поисках камня, которым можно было бы запустить в окно мастерской.

– Прошу вас, мистер Дэвис...

– Ну?

– Сожалею, что вы настаиваете. В ноги вам я стрелять не стану: стрелок из меня никудышный. Придется стрелять в живот. Пули в моей пушке разрывные, так что если пальну – от вас куча дерьма останется.

Последний довод заставил меня отступить, хотя хотелось бы верить, что сделал я это по другой причине. Заглянув на всякий случай в окно мастерской, я не увидел «ловкого Фрэнка» там, где обычно его оставляли. Вот, значит, до чего уже дошло!

...Выпроводив меня за ворота, Тодд как ни в чем не бывало вручил мне конверт:

– Велено передать вам, если, мол, вы тут появитесь.

Письмо я прочел в кабине грузовика. Это было вполне официальное извещение.

Дорогой мистер Дэвис!

На состоявшемся сегодня очередном заседании было единогласно решено в соответствии с параграфом третьим заключенного с Вами нашей корпорацией контракта отказаться от Ваших услуг; однако Вы остаетесь при этом нашим акционером. Убедительно просим Вас не посягать на собственность компании. Ваши личные вещи и бумаги будут направлены Вам заказной почтой.

Правление выражает Вам благодарность за оказанные услуги и сожалеет, что наши разногласия относительно планов компании на будущее вынудили нас на этот шаг.

*Искренне Ваш
Майлз Джентри,
председатель правления
и генеральный директор.*

Письмо подготовила: Б. С. Даркин, секретарь-казначей.

Я дважды перечитал письмо, прежде чем до меня дошло, что никакого контракта с «нашей фирмой» у меня никогда не было; тогда откуда ссылка на третий или какой-либо дру-

гой параграф?

К концу того же дня посыльный доставил запечатанную коробку в мотель, где я снимал номер. В посылке я обнаружил шляпу, настольный письменный прибор, логарифмическую линейку, книги, мою личную переписку и несколько документов. Но там не было ни описаний, ни чертежей, сделанных мною в ходе создания «Фрэнка».

Некоторые документы содержали весьма любопытные сведения, например оказавшийся среди бумаг мой «контракт». Тот самый «третий параграф», оказывается, позволял им выставить меня на улицу без обычного трехмесячного пособия. Но еще более любопытным являлся «седьмой параграф». Он опирался на новейший антирабочий закон, по которому уволенный не имел права в течение пяти лет поступить на работу в конкурирующую фирму. Его бывший хозяин мог рассчитаться с ним наличными и по своему усмотрению принимать или не принимать его снова на службу. То есть, другими словами, я мог вернуться на работу в любой момент, когда захочу, со шляпой в протянутой руке, умоляя Майлза и Белл взять меня обратно. Может, для этого они и вернули мне шляпу?

Долгих пять лет я без их согласия не мог работать в области разработки механизмов для облегчения домашнего труда. Да мне легче было горло себе перерезать.

Среди документов имелись и копии всех моих зарегистрированных патентов (на «горничную», «Вилли-окномоя»

и прочую мелочь), право на владение которыми, как оказалось, я передал фирме «Горничная инкорпорейтед»; оформлено было все как положено. «Ловкий Фрэнк», конечно, не был запатентован. Так я тогда думал, а как на самом деле – выяснилось позже.

Но я никогда не передавал никакого права на патенты фирме; даже не давал формального разрешения на их использование. Я не видел смысла в этом, – ведь «Горничная инкорпорейтед» была моим детищем.

В последних трех папках находились мои акции (те, что я еще не успел переписать на имя Белл), чек и письмо, в котором расписывалась по пунктам вся сумма: накопленная «зарплата» – за вычетом издержек по текущему счету, даже зарплата за три месяца вперед, опционные по «седьмому параграфу»... и премия в тысячу долларов «за особые услуги, оказанные фирме». Что ж, очень мило с их стороны.

Перечитывая эти удивительные документы, я осознал наконец, как неумно вел себя, подписывая не глядя все, что мне подсовывала Белл; подлинность моей подписи не вызывала сомнений.

На следующий день я полностью пришел в себя и решил посоветоваться с адвокатом-пройдохой, жадным до денег и таким же неразборчивым в средствах, как и они.

И я нашел такого.

Ознакомившись с бумагами и выслушав подробности дела, адвокат уселся поудобнее, сцепил пальцы на животе и

мрачно изрек:

– Дэн, позвольте дать вам бесплатный совет.

– Да?

– Ничего не затевайте. У вас нет никаких шансов выиграть дело.

– Но вы же говорили...

– Я помню, что говорил. Они вас надули. Но как вы это докажете? Они исхитрились бы и украсть все ваши акции или оставить вас без единого цента в кармане... И вы получили то, на что могли рассчитывать, если бы все шло нормально и вы сами захотели бы уйти из фирмы. Как они там формулируют – «за разногласия относительно планов на будущее»? Они выплатили вам все, что причитается... да еще кинули жалкую тысячку в придачу – как знак того, что не держат на вас зла.

– Но у меня не было контракта! Я никогда не передавал никому свои патенты!

– Но бумаги-то говорят другое. Что подпись ваша – вы признали. Кто-нибудь может подтвердить ваши претензии?

Я призадумался. Нет, подтвердить не сможет никто. Даже Джейк Шмидт вряд ли знал, что происходит в конторе фирмы. Единственные свидетели... Майлз и Белл.

– Теперь об акциях, которые вы ей отписали. Тут можно найти зацепку. Если вы...

– Но как раз это – единственная законная сделка. Я действительно подписал акции на ее имя.

– Хорошо, пусть так. Но почему? Вы сказали, что преподнесли ей акции в качестве подарка по случаю помолвки – так сказать, в ожидании свадьбы. Как она ими воспользовалась при голосовании – к делу не относится. Если вы сможете доказать, что дарили ей акции по случаю помолвки в твердой надежде на брак и что она знала условия, принимая подарок, вы можете заставить ее или выйти за вас замуж, или вернуть нечестно присвоенное. Вспомним дело Мак Найти против Роудса. Тогда вы вернете контроль над делом и вышибете своих компаньонов, обвинив их в нечестности. Можете вы доказать?

– На черта теперь она мне сдалась, не собираюсь я на ней жениться...

– Дело ваше. Но давайте по порядку. Есть у вас свидетели или доказательства, ну, там, письма или нечто в этом роде, которые подтверждали бы, что она принимала акции, зная: вы дарите ей их как будущей жене?

– Конечно, есть свидетели... все те же двое: Майлз и Белл.

– Теперь вам ясно? Ваше свидетельство против их свидетельства да плюс куча официальных бумаг – не в вашу пользу. Вам не только нет смысла что-нибудь затевать; больше того, вас вполне могут упрятать в психушку как параноика. Мой вам совет – найдите себе работу в какой-нибудь другой области... Или в крайнем случае ломитесь напропалую, организуйте конкурирующую фирму, чтобы оспорить их паршивый контракт. Хотел бы я посмотреть, как эти параграфы

осуществляются на деле, тем более что защищать вас буду не я. Но не пробуйте обвинить их в заговоре. Они выиграют дело, да еще и обчистят вас до нитки – за счет судебных издержек.

Я внял его совету, но частично. На первом этаже дома, где помещалась его контора, был бар. Я зашел в него и надрался.

* * *

У меня хватило времени вспомнить все, что со мной случилось, пока я добирался до Майлза.

Когда фирма стала давать прибыль, он арендовал маленький домик в долине Сан-Фернандо и перебрался туда с Рикки, спасаясь от убийственной мохавской жары. Он ежедневно ездил до работы и обратно автобусом-экспрессом ВВС. И тут я вспомнил, что Рикки, к счастью, сейчас была далеко – в скаутском лагере для девочек на Большом Медвежьем озере. Мне вовсе не хотелось, чтобы она стала свидетельницей ссоры между мной и своим отчимом.

В тоннеле Сепульведа машины шли бампер в бампер; тут мне пришла в голову мысль, что, прежде чем встретиться с Майлзом, неплохо бы пристроить куда-нибудь сертификат на акции «Горничной». Эта мысль показалась мне весьма разумной: в драке, которую я не прочь был затеять, Майлз и Белл смогут отнять их у меня. Как кот, однажды прищемивший хвост дверью, я постоянно был настороже.

Оставить бумаги в машине? Предположим, что на меня будет совершено вооруженное нападение, – тем более глупо хранить их в машине, которую потом отбуксируют и где-нибудь бросят.

Я мог бы отправить бумаги по почте на свое имя, но последнее время я получал корреспонденцию в отделе доставки Главпочтамта, поскольку вынужден был переезжать из одной гостиницы в другую. Меня выставляли, как только обнаруживалось, что я держу в номере Пита.

Лучшее – отправить их человеку, которому я бы доверял. Но список таких людей был весьма коротким.

Наконец я вспомнил, кому можно верить.

Рикки.

Может показаться, что я опять лезу на рожон: только что меня надула одна особа женского пола, а я собираюсь поверить другой. Но тут никакого сравнения быть не может. Я знал Рикки пять лет – половину ее жизни, и, если есть среди людей хоть один кристально чистый человек, так это она... и мой Пит того же мнения. Кроме того, Рикки пока не могла своими женскими прелестями лишить мужчину здравого смысла. Женственность проявлялась только в ее личике; тело ее было совсем еще девчоночьим.

Выбравшись из тоннеля, я свернул с магистрали и вскоре обнаружил, что искал, – аптеку. Там я купил бумагу для письма, марки и пару конвертов – большой и маленький.

Дорогая Рикки-тикки-тави!

Надеюсь скоро увидеть тебя, но, пока я не приехал, прошу тебя сохранить вложенный в письмо конверт. Пусть это будет нашей тайной.

Тут я задумался. Проклятье! А если со мной что-нибудь случится?.. Автомобильная катастрофа или еще что-то... и меня не станет?.. Ведь при этом акции останутся у Рикки, что приведет в бешенство Майлза и Белл. Но уж я постараюсь, чтобы ничего подобного не произошло. Пока я все это обдумывал, до меня дошло, что подсознательно я уже принял решение отказаться от холодного сна. Трезвые размышления и прочитанная доктором лекция укрепили мою решимость, и я не собирался отступать, а, наоборот, был готов стоять насмерть; и сертификат станет моим оружием. Он дает мне право проверять всю документацию фирмы, на законном основании совать нос в любую сделку, заключаемую компанией, или вообще во все, во что захочется.

Если они попробуют вновь выставить меня с помощью наемных охранников, то я вернусь обратно с адвокатом, помощником шерифа и постановлением суда. Можно и к суду их привлечь. Не смогу выиграть процесс – так хоть устрою шумиху, чем, вероятно, отпугну «Мэнникс» от покупки нашей фирмы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.